

— Ну наконец-то мы встретились! — преувеличенно радостно сказала Мария, улыбаясь сидевшей напротив женщине.

Инка — старая ее подруга. Пока учились, дружили близко, не разлей вода были, потом жизнь не то чтобы разлучила, просто все расставила по своим местам. Выучились, замуж вышли, после этого и разошлись.

Инка дня не работала, поскольку муж ее сразу в гору пошел, да и детей у них не было — супруг против был, а она и не настаивала. Занималась собой, домом, путешествовала с мужем или сама по себе, в общем, жила как обеспеченная свободная женщина.

А Мария — тоже как все: дом, работа, дочка... Изредка в отпуск вырваться, денег вечно не хватало... Был старый фильм такой, назывался «Разные судьбы».

Одно у них общее оказалось — с мужьями развелись почти одновременно. И оба мужа по-свински с ними поступили. Мария вот никак не ожидала, что муж с другой бабой закрутит, да так серьезно, что расстаться решит. Инка, выходит, тоже так думала. Ну, ей-то непрости-

тельно, ни работой не занята была, ни детьми, меньше надо было по курортам ездить, а больше за мужем присматривать...

Мария спохватилась, что подруга смотрит на нее в упор, небось успела прочесть ее мысли, поэтому постаралась улыбнуться, но было поздно.

— Что смотришь? — спросила Инка. — Выгляжу ужасно, да?

— Да не то чтобы... — Мария опустила глаза, потом взяла себя в руки. — Видно, конечно, как тебя эта история достала.

И то верно, выглядела Инка не блестяще. Раньше-то никто ей ее настоящего возраста не давал, ну, как все дамы ее сословия, фитнес там, процедуры разные, омоложение организма. Стройная, одета всегда со вкусом, опять-таки возможности были.

Сейчас тоже есть, отметила про себя Мария, с одеждой все в порядке, но вот лицо какое-то не ее. Возле губ складки, скулы слишком обтянуты... кожа сухая — возраст весь наружу. Да каждый заметит, что неприятности у женщины, а это уж совсем нехорошо.

— Это аллергия у меня от солнца, — Инна заметила ее взгляд, — в последнее время страдаю вот...

— Да какое солнце? — удивилась Мария. — Какое в октябре у нас солнце-то? Чай не на юге живем...

— Ну, говори уж, — вздохнула Инка, — вижу, что не успокоишься, пока все мне не выскажешь.

— И с чего тебя так разобрало? — рассердилась Мария. — С какого перепуга ты так расклеилась? Сама же не раз говорила, что у вас не тот случай был, когда любят человека без памяти и жить без него не могут! А если и так, то сколько уже времени прошло с развода вашего?

— Два года...

— Так пора бы уж в себя прийти! Деньгами он тебя обеспечил, с голоду не умираешь, работать не нужно. Квартира, опять же...

— Ты права, конечно, — согласилась Инна, — но... тоска такая... Сижу одна...

Ах, вот в чем дело! Мария отругала себя за недогадливость. Все знакомые от Инки отвернулись, раз она теперь не жена богатого человека. А со старыми подругами она давно разошлась, кто-то и позлорадствовал, люди теперь злые и завистливые.

Вот она, Мария, как с мужем развелась, то, откровенно говоря, недолго переживала. Противно, конечно, было, считала себя преданной, но расслабляться некогда было.

Во-первых, работа. Во-вторых... Можно сказать, повезло ей. Если бы не развод, вряд ли она решилась бы начать романы писать. Муж бы засмеял — да куда тебе, да что еще придумала... А так — отговаривать некому было, она и написала. Да не один, а целых три. И напечатали их даже, чему она не переставала удивляться.

А уж после того, как в прошлом году в круизе побывала да описала то, что там случилось, — так и нашел ее успех. Раньше-то в издательстве смотрели снисходительно — мол, много

вас таких, пишут и пишут. А теперь охранник у входа расшаркивается, редакторши комплименты говорят...

Да не в этом дело! Главное, жизнь у нее интересная, времени нет скучать и себя жалеть. Значит, можно все сначала начать, когда без малого полтинник?

Но как это Инке объяснить?

— Вижу, у тебя-то все хорошо, — пробормотала подруга, — глаза блестят, сама вся светишься, энергией так и пышешь...

— Это оттого, что все время куда-то тороплюсь, времени ни на что не хватает! — рассмеялась Мария, следя, чтобы смех не получился слишком счастливым. — Ладно, давай выпьем и поговорим о чем-нибудь приятном. Или ты за рулем?

— Да нет, оставила машину сегодня.

— Вот и хорошо! — Мария махнула официанту, который деликатно слонялся неподалеку.

Ресторан был довольно дорогой, зато народу мало, можно спокойно поговорить. Мария посчитала, что Инне такое вполне по карману, в крайнем случае сама счет оплатит, ожидаются приличные денежные поступления. Но об этом пока говорить не стоит, чтобы не сглазить. Да и как Инка отреагирует, непонятно.

Марии стало смешно: надо же, кто-то и ей теперь может завидовать! Вот уж не думала, не гадала!

Они выбрали вино и еду, причем Мария настояла, чтобы Инна заказала что-то более калорийное, чем зеленый салат.

— Я мяса не ем... — слабо сопротивлялась подруга.

— Да? Может, пора уже бросить свои богатейские привычки? — всерьез рассердилась Мария. — Посмотри на себя: худущая, бледная, у тебя небось анемия! Если ни с кем не общаешься, для кого на диете сидеть?

После бокала хорошего вина и сытной еды Инна порозовела и слегка оживилась.

— Как ты все-таки время проводишь? Нужно больше на людях бывать, — советовала Мария.

— Ой, ты права! И сама думаю, что скоро все наладится! Я, знаешь, к психоаналитику хожу, такой специалист хороший, мне уже гораздо лучше...

— К психоаналитику? А зачем?

— Его муж оплатил, сказал, что мне нужно в себя прийти.

— Разве вы с ним видитеесь? — удивилась Мария.

— Да нет, — Инна отвела глаза, — просто некоторое время назад что-то мне так плохо стало... Я ему и написала.

— Что написала? — напряглась Мария. — Что хочешь жизнь самоубийством покончить? Повеситься или утопиться?

— Насчет утопиться он бы не поверил, — слабо улыбнулась Инна, — знает, как я к воде отношусь.

Это была чистая правда — Инка с детства боялась воды. Максимум могла вытерпеть наполненную ванну. Даже в бассейне плохо

ей становилось от страха, оттого и плавать не научилась. С мужем на море, конечно, ездила первое время, но сама рассказывала, что больше на берегу сидела, окунуться и то трудно было.

Мария слегка устыдилась. Ну что она Инку воспитывает? Взрослая женщина все-таки, сама разберется.

— Давай выпьем за то, чтобы все у нас было хорошо! — Подняла бокал и подмигнула подруге.

Та улыбнулась в ответ, и на миг Мария увидела перед собой прежнюю Инку — заводилу и хохотушку.

— Знаешь, этот Илья Семенович и правда на меня положительно влияет, сама чувствую, что гораздо спокойнее стала, уверенность появилась, настроение улучшилось. И главное — никаких таблеток, а то от них спать хочется и за руль нельзя.

«Неужели она на транквилизаторы под села? — всерьез испугалась Мария. — Тогда и правда лучше душеспасительные беседы с психоаналитиком вести, тем более если муж оплачивает. А он, я так понимаю, что угодно оплатит, только бы она его сообщениями не забрасывала и не пугала, что повесится или отравится...»

— Не смотри так, — Инка снова прочла ее мысли, — знаю, что отвратительно себя вела, но это в прошлом. Сеансы эти мне очень помогли!

— Давно к нему ходишь?

— Ну... два месяца уже.

Сказала таким тоном, что Мария поняла: гораздо дольше ходит. И денег этот Илья... как его там... наверняка берет немеряно. Ох, и хорошо, наверное, живут психоаналитики! Сиди себе в кабинете да слушай внимательно, как клиент на жизнь жалуется.

— Кстати, слушай, я тебе расскажу... — Инка блеснула глазами. — Случай интересный, тебе как писателю пригодится.

— Десерт будете? — подскочил официант. — Или только кофе?

От десерта Инна отказалась так категорически, что Мария не посмела возразить. Зато кофе заказала со сбитыми сливками.

— Ну, слушай, — начала Инна, — кабинет этого самого Ильи Семеновича находится в старом районе, угол Седьмой Советской и улицы Маяковского. Там дом такой большой, каменный, не элитный, сама понимаешь, но в порядке содержится, и во дворе можно спокойно машину поставить.

— Знаю, раньше этот район Песками назывался, — поддакнула Мария.

— Да? Ну, неважно. Офис — бывшая квартира, с ремонтом, конечно. В приемной помощница сидит... такая, знаешь, не слишком приятная дама, строгая. Наверное, с психоаналитиком они на контрасте работают. Он-то обаятельный, смотрит ласково, голос бархатный, сразу хочется ему всю душу раскрыть.

«Узнаю прежнюю Инку, — подумала Мария, — остра была на язычок. Значит, и правда

этот Илья Семенович или как его там... помог ей справиться с депрессией».

— Ну вот, прихожу на прошлой неделе, назначено было к четверем, а я раньше пришла. Думала, пробки будут, но очень удачно проскочила. И до встречи еще полчаса. Захожу в приемную, там Ирина эта встречает меня с кислым видом.

У них, понимаешь ли, не принято, чтобы клиенты в приемной сталкивались, не дай бог кого-то узнают или услышат, о чем разговор. В общем, секретность блюдут строже, чем на исповеди. А тут я. Что делать, не выгонять же меня взащей, все-таки богатая клиентка. Помощница предложила мне кофе... Кстати, заваривать его она совершенно не умеет, ну ладно, я выпила из вежливости, да немного испачкалась. Прошла в туалет, там коридор такой кишкой, потом заворачивает. Стала руки мыть, сняла кольцо, — Инна показала украшение с крупным бриллиантом, — и оно упало, закатилось под раковину...

Инна наклонилась, чтобы подобрать кольцо. Оно, как назло, закатилось в самый дальний угол под раковиной, так что ей пришлось стать на четвереньки. Хорошо хоть пол чистый. И когда она стояла в этой неудобной позе, рядом с ней вдруг раздался такой знакомый бархатный, убедительный голос. Голос Ильи Семеновича.

Инна вздрогнула. В первый момент вообразила, что психоаналитик вошел в туалет и застал

ее в таком унижительном положении. Неужели она не закрыла дверь?

Но потом осознала, что голос доносится снизу, из-под раковины.

Илья Семенович разговаривал с пациентом, сеанс которого был перед Инной.

— Вы ведь понимаете, — говорил он своим властным голосом, — вы понимаете, что никогда не были женаты? У вас есть неопровержимые доказательства... документы...

— Я понимаю, — отвечал пациент, словно оправдываясь, — но в то же время так хорошо ее помню, будто это было на самом деле. Помню ее голос, лицо, ее глаза... Так хорошо, так явно помню, как будто мы прожили с ней много лет!

Инна догадалась, что голоса доносятся из-за вентиляционной решетки. Дом старый, раньше, наверное, на этаже было меньше квартир, потом все много раз переделывали, перегораживали, оттого и сложности с вентиляцией.

Сначала она смутилась и подумала, что подслушивать нехорошо, особенно другого пациента, но, пока тянулась за злополучным кольцом, Илья Семенович снова заговорил:

— Но ведь ее не помнит никто, кроме вас. Вы должны принять как непреложный факт, что жена — это вымысел, фантом... реализация ваших мыслей и желаний.

— Она снится мне почти каждую ночь... Я так ясно вижу, как мы с ней гуляем по городу, только город какой-то другой, здесь, в Петербурге, я не могу найти тех мест.

— Вот это, скорее всего, и объясняет вашу навязчивую идею. Вы видите ее во сне — и подсознательно переносите сон в реальность, начинаете считать приснившуюся женщину своей несуществующей женой. То есть проецируете сон в реальную жизнь. Оттого и город кажется вам незнакомым, чужим, потому что это вымышленный город, его на самом деле никогда не было, он присутствует только в ваших фантазиях!

— Может, и так, но мне от этого не легче, — мужской голос был неуверенным и таким грустным, что Инне на мгновение стало его жалко. Надо же, бедолага, видит во сне жену, которой у него никогда не было! Чего только в жизни не бывает...

— Конечно, я мог бы провести сеанс гипноза, мог бы внушить вам, что жена — вымышленный образ, но я не хотел бы прибегать к такой сильной процедуре. Мне бы хотелось, чтобы вы сами смогли преодолеть свою навязчивую идею, осознать ее ложность... — Илья Семенович все говорил и говорил своим убедительным бархатным голосом, от которого Инну начало клонить в сон.

Она осознала себе стоящей на четвереньках под раковиной, нашарила наконец свою драгоценность и поднялась на ноги. В зеркале отражалась растрепанная личность со смазанной помадой. Инна снова вымыла руки, надела кольцо, подкрасила губы и вошла в приемную... как раз, чтобы успеть увидеть предыдущего пациента.

Она вытянула шею, чтобы как следует его разглядеть.

С одной стороны, ей было неловко, что подслушала чужой сеанс, с другой — любопытно. Надо же, какие удивительные истории бывают! Человек придумал себе несуществующую жену! Вообще-то это уже клиника... И как его можно от этого вылечить? Впрочем, она ведь не специалист, возможно, психоаналитик сможет ему помочь.

Разглядеть пациента не получилось. Помощница тут же отвлекла ее пустяковым вопросом об оплате, причем посмотрела так неодобрительно, что Инна расстроилась. Надо же, не сумела скрыть интереса! Нехорошо. А если бы ее разговоры кто-то подслушивал? Может, сказать им про вентиляцию? Да нет, тогда придется признаваться, что она уши грела... Неудобно.

Вскоре Илья Семенович выглянул в холл, чтобы пригласить ее лично. Инна вошла в кабинет аналитика и забыла о подслушанном разговоре.

Следующий сеанс был через неделю.

Она снова пришла чуть раньше, и Илья Семенович еще работал с тем же, что и в прошлый раз, пациентом. То есть она так предположила, поскольку Ирина при первом посещении сразу предупредила ее, что запишет на определенное время и менять часы не следует, дескать, это мешает процессу лечения.

И, повинуясь неожиданному порыву, Инна снова отправилась в туалет. На этот раз сразу

же присела под раковиной и подползла к вентиляционной решетке. И совесть ее не мучила, мучило только любопытство.

Послышался голос психоаналитика:

— Давайте еще раз поговорим о вашей жене.

На этот раз пациент ответил слабым полусонным голосом:

— Я не хочу... не хочу говорить о ней... Эти воспоминания... они только мои... но я так измучился, раз ее никогда не было, хочу забыть... забыть...

— Но это необходимо. Мы должны проговорить о ней, чтобы вы смогли освободиться. В противном случае эта травма останется с вами навсегда. — Илья Семенович ненадолго замолчал, потом начал считать: — Девять... восемь... семь...

Инна знала, он так считает, когда хочет ввести пациента в гипнотический транс. При этом пристально смотрит ему в глаза своими темными глубокими очами и раскачивает в руке серебряные карманные часы. Один раз он проводил такое с ней, сказал, это нужно для того, чтобы она освободилась от чувства вины из-за разрыва с мужем.

Тогда она согласилась, а теперь вдруг мелькнула мысль — какая вина? Это же муж ее бросил, а не она его...

— Шесть, пять, четыре... ваши веки становятся тяжелыми, вы засыпаете и не слышите ничего, кроме моего голоса... — Снова небольшая пауза. — Три... два... один...

Обратный отсчет закончился.

Инна сообразила, что Илья Семенович ввел пациента в транс.

— Расскажите мне о своей жене, какой она была? — теперь голос психоаналитика был твердым.

— Блондинка... У нее были длинные светлые волосы, такие легкие и пушистые... Я так любил гладить их...

— Нет, вы ошибаетесь. Она была темново-лосая.

— Темноволосая... — послушно повторил пациент. — Темноволосая... но глаза у нее были голубые... небесно-голубые, они мне так нравились... Ее нежный взгляд...

— Вы опять ошибаетесь. У нее были темные глаза. Карие, очень выразительные. И темные брови...

— Карие глаза... — повторил пациент, — темные и выразительные. И темные брови...

— Вот теперь все правильно. Повторите еще раз, как выглядела ваша жена?

— Брюнетка с выразительными карими глазами и темными бровями...

— Да, теперь верно. И фигура, она была высокая и худощавая...

— Нет, она была чуть полновата, с нежной кожей...

— Это вам только кажется. На самом деле кожа у нее смуглая, как у многих брюнеток... И одежда, она любит одеваться ярко. Вы помните ее короткое малиновое пальто.

— Малиновое пальто...

Тут Инна услышала стук в дверь.